

Розділ перший

**ФІЛОСОФІЯ ДОБИ ГЛОБАЛІЗМУ,
ПОСТМОДЕРНУЙ ІНФОРМАТИЗАЦІЇ**

УДК 130.11

**Вандышев В. Н. – д-р филос. наук, профессор
Национальный аграрный университет (Сумы)**

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МУДРОСТИ

Рассмотрена важная проблема взаимосвязи философии, знания и мудрости. Опираясь на представления Аристотеля и Платона – классиков античной философии, показаны их представления об указанных понятиях. Рассмотрены современные философские и естественнонаучные представления о сущности понятия «концепт». Исследована роль коммуникативно-информационной составляющей современного научного познания и ее влияние на развитие представлений о роли искусственного интеллекта и глобальной информационной сети

Ключевые слова: философия, мудрость, информация, коммуникация, истина, искусственный интеллект.

Понятие «философия» сейчас стало очень распространенным в риторике представителей практически всех гуманитарных и общественно-политических наук. Это заметно, когда они говорят о бизнесе, управлении, политике и пр. Но какой смысл вкладывается, например, в понятие «философия книги», «философия компании», «философия предпринимательства», «философия управления», «философия успеха» или «философия лидерства»? На более или менее четкий ответ на этот вопрос рассчитывать не приходится. Возможно всё дело в том, на что обратил внимание Уильям Джеймс, когда отмечал: «Для человека, который преследует ограниченную цель, слишком изящное, такое, что не имеет значения для его цели обсуждения принципов представляется "метафизикой"» [см.: 3]. Под метафизикой, выдающийся американский мыслитель понимал все-таки философию, иначе заключительный раздел своей работы «Психология» (1892) он не стал бы называть «Психология и философия». Для него лично, «метафизика – это очень настойчивое стремление к ясности и последовательности в мышлении». Итак, когда кто-то пытается говорить о «философии чего-то», то тем самым он демонстрирует свое неумение или нежелание углубляться в суть вопроса или проблемы.

И это не удивительно, поскольку определение предмета философии дать непросто, что мы видим, например, в одном из авторитетных философских словарей: «Философия (... любовь к мудрости ...), форма общественного сознания; учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру; наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Философия вырабатывает обобщенную систему взглядов на мир и место в нем человека; она исследует познавательное, ценностное, социально-политическое, нравственное и эстетическое отношение человека к миру» [11, с. 726]. Если же спросить кого-либо из тех, кто говорит, например, о «философии успеха», согласуется ли его представление с данным выше определением, то ответ скорее будет отрицательным. Ибо приземленный прагматический аспект не соотносим с возвышенным, духовным.

Возможно, наиболее категоричным в определении философии был Сократ. Как нам известно из платоновского «Федона», он считал: «Те, кто на самом деле преданы философии, занимаются, по сути вещей, только одним – умиранием и смертью» [8, с. 21]. Это определение слишком возвышенное, а потому требует пояснений, которые читатель может найти в том же «Федоне». Для многих мыслителей той эпохи отождествление философии и мудрости было естественным, что можно видеть и на примере философского наследия Аристотеля.

Вопрос о сущности философии в современной науке практически не возникает. Поэтому знаменательно, что именно постмодернистская философия достаточно резко поставила этот вопрос среди других, пытаясь соотнести понятия «философия» и «мудрость». Жиль Делёз и Феликс Гваттари отмечают: «Как утверждают, именно греки окончательно зафиксировали смерть Мудреца и заменили его филосо-

фами, друзьями мудрости, которые ищут ее, но формально ею не владеют» [2, с. 6]. Эти авторы убеждены, что между философом и мудрецом отличие не просто в степени, как будто на какой-то шкале: скорее суть дела заключается в том, что древний восточный мудрец мыслил Фигурами, философ же изобрел Концепты и начал мыслить ими, а потому и содержание всей мудрости сильно изменилось. Но, если сослаться на мнение Карла Ясперса относительно введенного им понятия «осевого времени», то, очевидно, что именно какие-то непонятные нам обстоятельства стали фактором исчезновения мудрецов на всем цивилизационном пространстве эпохи, а не только на Востоке или на Западе.

Для определения сущности «концепта» существует несколько подходов. Так, Уильям Джеймс исходил из того, что «мы можем создавать концепты различного характера: концепты реальностей, по которым признается объективное существование, например паровоз; фантастические образы, например, сирена; наконец, простые логические фикции (*entia rationis*), например, разница, ничто» [3, с. 6]. Он убежден, что создание каждого концепта обусловлено тем, что из массы психического материала мы ясно выделяем что-то существенное для нашего сознания. Итак, по мнению Джеймса, каждый концепт всегда остается тем, что он есть, то есть неизменным по своей сути. В свою очередь, из философского словаря мы можем узнать, что «концепт – это содержание понятия» [11, с. 278]. Здесь же авторы словаря отсылают к понятию «смысл», которое отождествляют с «значением». Можно говорить и о концепте как предметном значении, что в целом соответствует сказанному Джеймсом.

Рассматривая философское и лингвистическое понимание природы и сущности концепта, мы обнаруживаем известные расхождения в определениях специалистов. Впрочем, суждение Е.С. Переломовой о том, что концептами становятся только те явления действительности, которые являются актуальными и ценными для определенной культуры, вполне могло бы выступить здесь в качестве некоторого компромисса [7, с. 54].

Возможно, и попытка отдать пальму первенства в деле творения концептов одной лишь философии может оказаться ошибочной. Жиль Делёз и Феликс Гваттари уверены, что философия не есть ни созерцание, ни рефлексия, ни коммуникация, хотя в силу различных исторических условий и способности каждой дисциплины порождать свои собственные иллюзии и укрываться за нею же специально наведенным туманом принималось за основу то или иное. Созерцание свойственно разным наукам, так как созерцания суть сами же вещи, рассматриваемые в ходе творения соответствующих концептов. Философию нельзя рассматривать лишь как рефлексию, поскольку таковая характерна для многих наук и искусств. Вполне приемлема мысль о том, что ни математики-теоретики, ни физики-теоретики не часто дожидались философских откровений, чтобы размышлять о математике или физике, как и художники – о живописи или музыке. Несомненно, что рефлексия неотъемлемо принадлежит их собственному творчеству. То же самое касается и коммуникативного начала в философии, поскольку таковое нельзя рассматривать как её приоритет. Отсюда и вывод, который сделали Делёз и Гваттари: «Философия не занята ни созерцанием, ни рефлексией, ни коммуникацией, хоть ей и приходится создавать концепты для этих активных или пассивных состояний. Созерцание, рефлексия и коммуникация – это не дисциплины, а машины, с помощью которых в любых дисциплинах образуются Универсалии» [2, с. 15].

Творчество всегда единично, и концепт как собственно философское и художественное творение всегда есть нечто единичное. Первейший принцип философии состоит в том, что Универсалии ничего не объясняют, они сами подлежат объяснению. В свою очередь, принцип литературно-художественного творчества состоит в том, что концепт нуждается в интуитивно-чувственном восприятии и оценке его материи (содержания) и формы. Творение или конструирование концептов уже сегодня становится актуальным. Естественно, что учение о лингвистической конструкции может претендовать на одно из важных направлений научной лингвофилософии. Трудно отрицать, что отсутствие должного понятия конструкции препятствует многим предметно и результативно участвовать в развитии как лингвистики, так и философии. Научная конструкция предполагает совершенную неразделенность содержания и формы литературно-художественного концепта. Важным моментом верификации концепта можно считать то, из каких оснований он выстраивается. Несоответствие содержания и формы концепта и приводит к искусственности его создания.

Заявив, что Платон мне друг, но Истина более дорога, Аристотель тем самым признал именно Истину своим более дорогим другом. Правда, комментируя эту историческую ситуацию, Делёз и Гваттари практически допустили отождествление мудрости, истины и концепта, что по нашему глубокому убеждению не отвечает действительности. Таким образом, любовь к мудрости вовсе ещё не означает стремления к мудрости, а скорее означает позицию созерцания и любования самим собой. Означать это ещё может и потерю понимания того, что есть мудрость.

Феномен мудрости на протяжении всей истории философии (и культуры в целом) оставался в центре внимания мыслителей. Опираясь на традицию, наработанную предшественниками, Г.В. Лейбниц с

полным основанием мог утверждать: «Мудрость – это совершенное знание принципов всех наук и искусство их применения. *Принципами* я называю все фундаментальные истины, достаточные для того, чтобы в случае необходимости получить из них все заключения, после того как мы с ними немного поупражнялись и некоторое время их применяли. Словом, все то, что служит руководством для духа в его стремлении контролировать нравы, достойно существовать всюду (даже если ты находишься среди варваров), сохранять здоровье, совершенствоваться во всех необходимых тебе вещах, чтобы в итоге добиться приятной жизни. Искусство применять эти принципы к обстоятельствам включает искусство хорошо судить или рассуждать, искусство открывать новые истины и, наконец, искусство припоминать уже известное своевременно и когда это нужно» [5, с. 97].

Таким образом, мудрость – это не уход от жизни, не жизнь в некоей скорлупе, а активное мужественное и творческое к жизни отношение.

В этой связи замечу, что именно понятие «мудрость» в современной философии практически не упоминается, оно почти полностью стерлось из полевой карты философии. Каким бы это не показалось парадоксальным, но точно таким же образом и для понятия «душа» не осталось места в психологии. А ведь история развития мировой культуры свидетельствует о том, что оба эти понятия были такими, вокруг которых выстраивались указанные исторически значимые дисциплины!

Нынешняя философия превратилась в академическую дисциплину системного построения понятий, логического анализа слов, практически оторвавшись от мудрости. Аристотель начинает свою «Метафизику» рассуждениями относительно того, кто мудр. Мудрый есть тот, кто знает всё, насколько это возможно, хотя он и не имеет знания о каждом предмете отдельно. Мудрый способен познавать тяжелое и трудно осознаваемое человеком. Мудрость желательна ради неё самой и для познания, а не ради пользы. Мудрость у Аристотеля появляется как «наука, которая исследует первые начала и причины: ведь и благо, и «то, ради чего» один из видов причин» [1, с. 69]

Он развивает свою мысль дальше: «А поскольку мудрость была определена как наука о первых причинах и о том, что наиболее заслуживает познания, мудростью следовало бы признать науку о сущности» [1, с. 102]. «Правильным является также и то, что философия называется знанием об истине. На самом деле, цель умозерцательного знания – истина, а цель знания, касающегося деятельности, – дело» [1, с. 94]. Аристотель убежден, что первые начала не требуют доказательств: «На самом деле для всего без исключения доказательств быть не может (ведь иначе пришлось бы идти в бесконечность, значит, и в этом случае доказательства не было бы)» [1, с. 126]. Возможно в этом контексте следует рассмотреть и известное высказывание Аристотеля: «Платон мне друг, но истина более дорога».

Лев Шестов в эпоху очевидной идейной и мировоззренческой смуты на рубеже XIX–XX вв. увидел многочисленные спекулятивные религиозно-философские концепции, которые противоречили друг другу и были неуступчивыми в отстаивании своих догматов. Мудрости, доброжелательности и глубокомыслию в этих концепциях не было места. Поэтому в сложившейся ситуации Шестов весьма ответственно подошел к определению предмета философии, ссылаясь на Платона, поскольку «у него есть очень короткое и простое, но в своем роде очень замечательное определение. ...что такое философия? Самое ценное, самое значительное» [12, с. 193]. Очевидно, что Платон (204/205–270) здесь мыслит категориями, которыми в свое время мыслил и Аристотель, когда писал о философии как о науке божественной: «и не следует любую другую науку считать более ценной, чем эту. Потому что наиболее божественная наука также такая, которую наиболее ценим» [1, с. 69].

По мнению Аристотеля, люди начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, чтобы достичь понимания, а не какой-то пользы. Собственно, каждому человеку следует помнить о том, что нельзя терять свою душу, нельзя нарушать устоявшиеся принципы и нормы человеческого общежития. В этом смысле Аристотель продолжал философскую традицию, присущую Платону. Именно тот стремился убедить людей в необходимости иметь таких государственных деятелей, которые обладали бы искусством заботы о своих подопечных. Вершин такого искусства мало кто достигает. Поэтому есть опасность, что «... различные торговцы, земледельцы, булочники, а вслед за ними учителя гимнастики и врачи любым образом начнут оспаривать у пастухов человеческого стада, которых мы назвали политиками, право называться руководителями воспитания не только всего человеческого стада, но и его начальников» [9, с. 25]. Более того, мы знаем об утопических мечтаниях Платона о правителях-философах, которые перед тем, как стать правителями, проходят долгий путь обучения и возмужания.

Общеизвестно утверждение, что именно Пифагор первый назвал себя философом, то есть любителем мудрости. Поэтому интересными и уместными представляются рассуждения Диогена Лаэртского по поводу различия между философом и мудрецом. Назвав себя философом, Пифагор считал, что мудрецом может быть только Бог. Диоген Лаэртский, между тем заметил: «Мудрецы назывались также софистами (мудрователями), и не только мудрецы, но и поэты: так называет Гомера и Гесиода Кратин в «Архилохах», желая похвалить этих писателей».

Розділ перший. Філософія доби глобалізму, постмодерну й інформатизації

Мудрецами почитались следующие мужи: Фалес, Солон, Периандр, Клеобул, Хилон, Биант, Питтак; к ним причисляют также Анахарсиса Скифского, Мисона Хенекейского, Ферекида Сиросского, Эпименида Критского, а некоторые и тирана Писистрата» [4, с. 66].

Мудрость – это умение выбирать среди многих суждений наилучшее, не всегда опираясь на твердые знания. Таким образом, философия как дисциплина объективного знания, невозможна, но именно это постоянно пытаются доказывать многие из тех, кто искренно убежден в научной подоплеке своего философствования.

Путь, подвигающий человека к мудрости, лежит через обретение знаний, через возможность доступа к информации. Всего-навсего несколько тысяч лет тому не считалось, что письменность должна стать доступной обычному человеку. Ведь даже исходная цель первых опытов с письменным языком состояла, по словам французского антрополога Клода Леви-Стросса, в том, чтобы «способствовать дальнейшему порабощению других людей». Впрочем, каждая революция, в том числе и информационно-письменная, живёт своей собственной жизнью. Поэтому и получилось, что всё ранее недоступное нашим предкам ввиду пространственной или временной отдаленности стало легче достижимым и познаваемым с появлением письма.

Происходило быстрое возрастание объема доступной информации благодаря изобретению визуального кода для коммуникаций, а интеллектуальная жизнь стала насыщенной. Именно фонетический, а не слоговый алфавит (то есть такой, в котором буквы обозначали отдельные звуки, а не слова или понятия) позволил древним грекам создать философию и иные фундаментальные науки, которые по праву стали «грамматикой» мысли. Теперь уже не ухо, а глаз стал основным средством лингвистического восприятия, что объективно привело к исчезновению мудрецов и к появлениюлюбомудров. Несомненно, что таким образом происходил резкий переворот в нашем понимании мира, а письменный язык был воспринят как настоящее чудо. Логично и то, что египетского бога Тота, давшего людям дар письма, почитали как бога волшебства. И мы знаем, что письмо и чтение изменили мир и наше знание о нём.

Благочестивый монах Иоганн Гуттенберг, изобретая печатный станок во славу Слова Божия, запечатлённого в Библии (середина XV ст.), положил начало не только новой эпохе информационной революции, но и ещё более ограничил пределы бытия и влияния мудрецов. Скорее всего, именно тогда они уже окончательно были обречены исчезнуть. Далее, с появлением печатного станка возникли важнейшие предпосылки развития оснований современной науки, великие открытия и технические новации привели к индустриализации.

Ныне современные электронные средства связи – часть величайшей из всех информационных революций. Долгое время ученые считали, что предназначение компьютера в том, чтобы «думать», чтобы продуцировать искусственный разум, который значительно (*а, возможно, и существенно*) превзойдёт наш человеческий. Сегодня выяснилось, что компьютерная технология стала в основном служить цели коммуникации через компьютерные сети. Да, всё более мощные и быстрые компьютеры дают возможность осуществить очень сложные математические операции, которые ранее были невозможны. Это существенно и важно для математиков и других ученых. Но именно глобальная компьютерная сеть и новые преобладающие коммуникационные технологии означают зарождение нового мира.

Интернет – это что-то совершенно новое. Средство, благодаря которому практически любой человек после относительно небольших инвестиций в оборудование и при помощи нескольких простых действий может стать одновременно и создателем, и потребителем текста, образов и звуков. Трудно себе представить что-либо более могущественное. В Сети мы все и авторы, и издатели, и продюсеры. В контексте рассматриваемой темы однако остаётся открытым вопрос: «Добавляет ли существование информационной сети Интернета мудрости пользователям и способствует ли появлению мудрецов?» Существуют разные реакции на подобное развитие событий. Критики утверждают, что имеющиеся разговоры по поводу революции в области информационных технологий и «новой экономики» абсурдны, или, по крайней мере, весьма преувеличены, поскольку на фондовых рынках акции многих компаний, связанных с информационных бизнесом, рухнули, а многие терпят убытки и перспективы их туманны. Впрочем, реально заработали на компьютерных технологиях консультанты всех мастей.

С точки зрения скептиков, мир, по сути, остался прежним: мы, как и раньше, производим молотки и гвозди, банки исправно принимают и ссужают деньги и т.п. Конечно, изменились офисные процедуры, вместо диктофонов и секретарей ныне нетбуки и иные супермодные устройства. Но ведь всё равно, какие технологии мы используем для связи, главное – содержание информации. А привычные и старые проверенные истины остаются. Ибо говорил Гераклит Эфесский: «Многознание уму не научает».

«Восстание масс», о начале которого в своё время возвестил Хосе Ортега-и-Гассет, привело к деградации привычной дотоле общественной морали и традиционных ценностей, а грядущее «восстание машин» (если оно состоится?!) ограничит права и возможности самого человека, когда однажды компь-

ютеры начнут распределять ресурсы в соответствии с собственными нуждами, в ущерб человеческим желаниям.

В своей работе «Искусственный интеллект как позитивный и негативный фактор глобального риска» Э.Ш. Юджовски отмечает: «Один из путей к глобальной катастрофе – когда кто-то нажимает кнопку, имея ошибочное представление о том, что эта кнопка делает – когда искусственный интеллект возникнет посредством подобного сращения работающих алгоритмов, с исследователем, не имеющим глубокого понимания, как вся система работает... Незнание того, как сделать дружественный искусственный интеллект, не смертельно само по себе, в том случае, если вы знаете, что вы не знаете. Именно ошибочная вера в то, что искусственный интеллект будет дружественным, означает очевидный путь к глобальной катастрофе».

Но, ни крайний скептицизм, ни слепая вера не являются плодотворной стратегией в нынешний период все ускоряющихся изменений, ибо это – просто предубеждения. Новые технологии не решат большинства наших проблем: ни проблемы смысла жизни, ни проблемы бедных и богатых, ни многих иных. Было бы наивно надеяться на это.

Поэтому мудрый пытается соизмерять себя с теми условиями, в которых он застал себя на земле, а потому он воспринимает жизнь как дар. Мудрый не станет предпочитать радость дня радости минуты, он не променяет счастья жизни на удовольствия дня, подобно тому как не променяет вечного блага на счастье жизни. Здесь можно вспомнить Сократа, который отказался от побега из тюрьмы, именно по этой причине. Желая наибольшего блага для себя и для окружающих, мудрый не упустит возможность изменить то, что можно изменить, но не станет бороться с тем, что изменить невозможно.

Мудрость – это умение распорядиться своим умом, удержать его от суеты. Григорий Саввич Сковорода много рассуждал над тем как правильно применить свободу воли. Подвижник истины называется мудрый, а дело его – добродетель. А потому, по мнению Сковороды, мудрый и праведный – одно и то же. Мудрость – это умение возвыситься над своими временными интересами ради интересов более дальних, а даже и тех, которые выходят за пределы индивидуальной жизни. Обстоятельный анализ отображения народной мудрости в произведениях Валерия Шевчука провела Е.С. Переломова. Она отмечает глубокий философский подтекст исторических произведений автора, которые «отображают прежде всего этапы формирования духовного мира нашего народа в ту или иную эпоху» [6, с. 85].

Очевидно, именно позитивистские настроения в понимании и восприятии сущности знания на рубеже XIX-XX вв. сыграли свою роль в том, что философия всё дальше и дальше стала отходить от того, что ранее приближало её к мудрости. Ведь философия=любовь-к-мудрости определяется отнюдь не знанием фактов, каковы они есть, а взаимодействием с людьми, какими они могут быть.

Правда, сегодня, как никогда раньше, политики, аналитики и многочисленные комментаторы не чужды откровенной лжи, что настораживает. Хотя, в свое время, много рассуждая в «Государстве» о правителях-философах, искателях истины, Платон полагал, что ложь полезна людям в виде лечебного средства. Но право использовать такое средство надо предоставить врачам; несведущие люди не должны к нему прикасаться. Платон уверен: «Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих сограждан – для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать» [10, с. 169].

Поэтому философ – далеко не всегда мудрец, особенно, когда придерживаясь определенного «изма», он становится слепым относительно целого. Возможно, именно в настоящий момент, в начале третьего тысячелетия, когда философия осознаёт известное разочарование в своей возможности чему-то научить, наступает очередной момент вступления её на путь превращения в мудрость. Но для этого необходимы соответствующие предпосылки, некая точка бифуркации, приводящая к трансформации глобального мира.

Литература:

1. Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? (пер. с фр. С.Н. Зенкина). – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998.
3. Джеймс Вильям. Психология. – Москва: Педагогика, 1992.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 621 с.
5. Лейбниц Г.В. О мудрости / Г.В. Лейбниц. Сочинения в 4-х т. Т.3. – Москва: Мысль, 1984. – 735 с.
6. Переломова О.С. Ідіостиль Валерія Шевчука: Монографія. – Суми: Видавництво СумДУ, 1910. – 138 с.
7. Переломова О. С. Лігнвокультурні коди інтертекстуальності українського художнього дискурсу: діахронічний аспект. – Суми, 2008. – 208 с.
8. Платон. Федон. – Соч. В 3 т. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1970. – 611 с.
9. Платон. Политик. – Соч. в 3 т. – Т. 3. Ч. 2. – Москва: Мысль, 1972. – 678 с.
10. Платон. Государство // Соч. в 3-х т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. Ч. 1. – 687 с.
11. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Розділ перший. Філософія доби глобалізму, постмодерну й інформатизації

12. Шестов Л. Сочинения в 2-х томах. – Т.1. – М.: Наука, 1993. – 668 с.